

Приблизительный человек¹

I

воскресенье тяжелая крышка над бурлением крови
еженедельным грузом прижатые мышцы
провалившись внутрь себя обнаружив вновь
колокола звонят беспричинно подобно нам
звоните колокола беспричинно также и мы
ликуем под лязг цепей
звением ими вместе с колоколами

*

что за язык хлещущий нас мы вздрагиваем на свету
нервы наши кнуты в руках времени
и влетает сомнение с одним бесцветным крылом
хватая сжимая комкая нас
словно обертку мятую вскрытой коробки
дар эпохи другой в скольжении рыбы печальной

*

колокола беспричинно звонят подобно нам
око плодов внимательно наблюдает за нами
дела наши все под контролем не спрятано ничего
вода рек стлала свое ложе так долго
уносит прочь она нежные нити взглядов
что кружили у подножия стен в липких забегах жизни
прельщая ослабших множественные соблазны осушенные экстазы
откопанные глубины старых возможностей
и открытые источники запертых слез
источники во власти ежедневных удуший
взоры взятые высохшими ладонями
ясное сотворение дня или темное появление
что дают разрастись беспокойному благу улыбки
прикрепленной к петлице утра подобно цветку
те кто взыскуют отдыха или неги
вибраций электротока внезапных толчков
приключений огня уверенности или рабства
взгляды что выстлали русло порывистых бурь
измотали улицы городов искупив множество оскорблений
подаванием взгляды один за другим потупленные в свитках воды
этот поток по направлению к морю цепляющий
сор человеческий и его миражи

1 Перевод первых четырех частей поэмы выполнен по изданию: © Tzara T. L'homme approximative. Paris: Editions Gallimard, 2007.

*

вода рек стлала свое ложе так долго что
даже свет скользящий по безмятежной волне
теперь обрушивается на дно
с громким грохотом камня

колокола беспричинно звонят подобно нам
заботы что мы носим с собой
наше внутреннее одеяние
в него мы облакаемся каждое утро
его снимает ночь руками мечты
украшенными бесполезной металлической головоломкой
очищенными в водах тех же самых ландшафтов
в городах уготовленных к резне и к жертвам
рядом с морями вымытых горизонтов
в горах тревожной жестокосердности
в деревнях болезненного равнодушия
рука прикрывает голову
колокола беспричинно звонят нам подобно
покидаем с отъездом приезжаем с прибытием
покидаем с прибытием прибываем когда уходят другие
без причины чуть сухие чуть твердые и суровые
хлеб насущный больше не тот хлеб что сопровождает
сладкий гимн из гаммы языка
цвета бремя мысли бросают
и думают или кричат или насытиться жаждут
плодами легкими парящими словно дым
что размышляет о вытканном тепле слова
вокруг своего центра что мы называем собой

*

колокола звонят беспричинно подобно нам
гуляем в надежде уйти от путей что ветвятся
с пейзажем в бутылке одна болезнь всего лишь одна
одна единственная болезнь которую мы возделываем смерть
я знаю этот мотив я ношу в себе и я его не боюсь
я ношу смерть и если я умираю то это же смерть
что понесет меня в своих неощутимых руках
тонких и легких как запах хрупкой травы
хрупких и тонких как без причины разлука
без горечи без признаний без сожалений без
колокола звонят беспричинно подобно нам
к чему искать конец цепи что снова нас скрепляет с цепью
колокола звонят без причины подобно нам
зазвеним мы внутри разбитыми стеклами
серебряными монетами вперемешку с фальшивкой
фестивалей осколки взвиваются шквалом и смехом
у дверей за которыми открываются бездны
склепы воздуха мельницы мелят кости арктические

эти фестивали что нас к небу уносят
и плюют в наши мускулы ночь расплавленного свинца

*

я говорю о кто говорит кто говорит я один
я всего лишь маленький звук во мне есть целый мир звуков
замороженный звук покалеченный на перекрестках выброшенный на сырой тротуар
к ногам спешащих людей бегающих с мертвецами своими
вокруг смерти что протягивает свои руки
к циферблату единственного часа в солнце живущего

*

таинственное дыхание ночи становится гуще
и вдоль вен поют флейты морские
транспонированные в октавы слои разных жизней
жизней повторяющихся до бесконечности до расщепления атома
и вверх так высоко что не видно
и с этими жизнями на обочинах что мы не видим
ультрафиолет такого множества параллельных путей
которые мы могли б предпочесть
и не являться в мир
или оставить его давно так давно
что земля и эпоха покончившие с плотью нашей
были бы уже забыты
жидкие соли кристаллы металлы прозрачные на дне колодцев

*

я думаю о вытканном словом тепле
вокруг своего центра что мы называем собой

II

земля сжимает меня в своем кулаке штормовой тоски
ни с места! слышно час что рождает летящую муху
и сливается с днем в поиске завершения
вцепимся же зубами в минуты что разделяют нас

руки вверх! добро пожаловать ангел что вот-вот упадет
сбрасывая свои листья словно стрекоз в снег на головах ваших
небо ослаблено ветром он дует так долго
долги неисчислимы мы оплатим страданием

густо замешан вокзал в переключке паровозных гудков
так много намерений в горьком тумане плывут
что пронзительный звук сплетает въедливое половодье
с проклятиями зловонными черными пенные недра земли

к фасадам бархатным навстречу целям каким пьяные от надежд
что покупают по цене медленных зерен
украшенных отметинами торгующих тел
что жадно пьют из поилен с подрагивающими лошадиными ноздрями
что преследуют кругами на деревенской карусели
что выкуривают через старинную трубку полета орла
что стерегут пастухи дымом над крышами вечерами
отраженными в зеркалах расположенных в сердце камней
в глубине нефтяных скважин над пластами тяжелого ила
в амбарах где жизнь измеряется в зернах
подушки чистые под солнцем вспенившихся вод

*

приблизительный человек как я как ты читающий как другие
пучок шумной плоти и эхо сознания
завершенного в единственном элементе воли твое имя
переносное впитываемое отполированное послушными изгибами
женских голосов
разные двусмысленности для удовольствия коммуникабельных групп
приблизительный человек движешься в почти что судьбы
с сердцем чемодану подобным и танцем вместо головы
пар на холодном стекле ты скрываешь свой вид от себя
высокий и незначительный среди ледяных украшений ландшафта
и все же люди составив крути поют под мостами
с ртами сухими и от холода синими на другой стороне пустоты
приблизительный человек жалкий или прекрасный
в тумане девственных эпох
жилье по доступной цене глаза посланники огня
что каждый вопрошает волнуется в меху забот в меху своих идей
глаза что разжигают снова гнев податливых богов
переходящий к вспышкам зубастых пружин смеха
приблизительный человек как я как ты читающий
ты держишь свои руки так как будто бросишь мяч вот-вот
сияющая сумма вся голова в поэзии твоя

*

дверь ночи навсегда закрыта плод прекрасных тел
протяжный крест такой торжественный в дыхании росы
в границах вечера дневное одеяние снято
пока туннель растягивает вширь аккордеон своих сторон
скользит по струне рельс сквозь арки длинные железный караван
из-за нехватки солнца в стороне другой быть может смерть
что ждет тебя как рев в ослепшем вихре
как тысяча взрывоопасных рук
тебе протянутых навстречу человек цветок что передан из рук торговли
в любящие руки и любимые что передан невольно из рук события к уже другому
печальный попугай
кльки дверей стучат и так не терпится всему
помочь тебе уйти быстрее

приветливый товар субъект с разверстыми глазами что накрепко завязаны
каскадов кашель воды ритм в меридианах в траншеях отраженный
и карта мира пачканная грязью кровью и проказой
зима что вздыблена на пьедестале ночи бедненькая ночь
бессильная стерильная
что опускает облачный занавес на мерзнувший зверинец
и держит руки так как будто бросит мяч вот-вот
сияющая сумма вся голова в поэзии твоя

*

жест округлый рук подносит образ воздуху
тревожный соловей смыкает цепь твоих всех удовольствий
и в жалоб зареве дурачишь ты себя
таинственной чем все другие ты дальний самый
ты рвешься вверх по реям астрономов к созвучиям великим
питаешься шагами кровными на лестнице голгоф
и ревность твоя рвется дальше из чуть заметных миражей
что скрадывает время из кармана твоей жизни
беременеешь ты от жизни лишь когда все в безопасности и так
стареешь ты тем временем не зная почему ржавеют петли головы твоей
и набухают сухожилия твои как лист промокнув под дождем высокомерие
хватаешь дверь ты в гневе крепко так что ногти ввинчиваются в кожу
темнеющее горло где скучиваются облака
где гордость беспокойная не может возродиться
уже протянута навстречу смертельным лагерям и холокостам
ее безумие насколько хватит взгляда
и чистая вода всегда она где вновь в слиянии твои любви и сияют

*

линии твоих поглубевших рук отмеченные ангелом при рождении
твой путь одаренный всеми земными удачами
дымка твоей ошибочной жизни спрятала их и ты пачкаешь то к чему прикасаешься
ты валяешься в хрипе и в золоте в раскаленных обманах
все что тебе осталось от жизни это отчаяние сорванного побега
и все же ночь раскрывает в своей груди канаты
и колокольчики звезд
ритмичное телосложение обрушенных разом музыкальных стропил
и все же люди жмутся в круги под мостами
и листают прохладные вечера в фотоальбомах
среди стольких горестных почек что память превратила в цветок
на тяжелой скатерти
защищай зубовным скрежетом свой лоскут мира так чтобы ты смог спать
от одних выходных до других
безымянный и высмеянный в своей старой заботе о роде
и все же люди сходятся в круги и песни раздаются под мостами
снимая цедру мозга
скребут все дальше чтобы найти что спрятано на дне благоуханной
апельсиновой башки

*

в неистовстве снегов пусть час себя швыряет в муках каясь
пусть кровь пульсирует в тебе из новых уст астральных
пускай сочится сквозь клетку каждую анатомических темниц
пускай роятся миги в мешковине легких засеая луг
милых домов террасы с бильярдными столами
пусть преступление цветет в итоге свежим юным
в иллюминациях тяжелых посреди домов
окормляет кровью авантюры новые жатвы будущих племен
орлы во рту времен рассеиваются словно сахар
рассеивается сахар дней отбытых в чаше океана
с цветка в цветок перелетая кожи лепестки на крыльях
микробы насекомые страданием постели полнят
циклы года
сны едкие таскают наши туши словно загнанных зверей
и кран в порту небесном возносит нас висящими на крюке грезы
нежнее солнца разложение где ни ворон ни червяка
в неуязвимой безупречной белизне

III

что связывает нас с лонами матерей наших
с теми кому мы на время жизнь омрачаем
в окрестностях цветущих восторгов гуляем мы
неспособные надломить сердцевину

*

и пока опустевший звон наполняет наши горизонты тревогой
ты вкушаешь мякоть плода и внутри там тайна
ты баюкаешь ритм минут чтобы время тайны прошло
проходит время и пусть смерть не станет слишком резким сюрпризом
с такими широко раскрытыми глазами
наполняется страхом каждый момент без спешки и остановки
я пью едкий террор того что мне не понять никогда
счастье в семенах лилий я зарыл их в тебе безмятежно

*

я пред тобой оголяюсь карманы вывернуты наизнанку
я предал своей тоске желание раскрывать тайны
я живу с ними я подстраиваю себя под их замкнутость
ржавый инструмент медоточивый голос явления длимого удивления
загораживающие тайны знаки смерти среди нас
на прилавках со скорченными от времени улыбками
в концертных залах кипарис растет стережет
проницательная юность о которой никто поведать не мог тебе не мог показать ее
где конспираторы домашних хлопот
рыскают толстыми пальцами сквозь заросли этикета

вокруг любовью с утомительными непостоянствами под маской восстаний
у парикмахера ты даешь своей голове поникнуть и снег
возникший из ежедневного савана заботится о том, чтобы руки ума не скребли
липкую массу кошмара
на аренах где бесцеремонные мысли приводят к потопу
с его апостольским грохотом
у садовников где в навозе в осколках
неразборчивое солнце окультуренное цветами
восставшее из могилоподобных сплетений с временами года и их разыгравшейся
смелостью

*

тыходишь ты смотришь вокруг ты чувствуешь что у тебя в карманах
сдержанные ураганы выцветших монет
что золотиносные потоки выиграла ценой пытки морщинистым временем
ты уходишь таким же бедным нянча кости свои в одежде плоти
сморщенный до души уставшей от мирской суеты
сморщенный до уставшей души
но день начинается снова цвет логарифмов фертильных
одетым в элегантности собственных глаз ты ходишь по тротуарам улиц
твоя гордость скрыта в нарочитом безделье
ты знаешь что ты распадешься в конце своей жизни
но ты утаиваешь себя иходишь
цветок узел лент человеческой кожи
и так мало вещей тронули меня братья мои и плакать меня заставили
на вокзалах — но я никогда не мог сказать всего о вокзалах — увиденный день
кусочки очарования приветствия слишком короткие
в отелях в строго высчитанной нужде
где даже любовь только необходимость древней легенды
я истощил свою юность она не знает как пробудиться снова
в то время как направление жизни снаружи совпадает с деревьями сна за окнами
поездов
сады женщин с восхитительными лопатками отдыхающие
в своем воднолилейном томлении
выпрашивая свет каждый поглощает все что желаемо
и в метро ты предпочитаешь забыть что сирены и день существуют
слова достаточно чтобы видеть
в больницах где достаточно комнат
чтобы распластаться в кровати белой надеждой скорой смерти
в соборе Сент-Эташ я видел двух проституток гуляющих
в то время как старые женщины в семь утра
носили корзины в своих руках и детей на своих головах
окуная свой бесхитростный опыт и веру в вино святого закона

*

несмотря на ущерб что нам причинило гордое время
непогода обильно плюет на пустыню ночи с холмистых вершин
несмотря на грузный крик животного обреченного на смерть
брешь открылась в сердце армии слов противников наших

ледяная лень судьбы что позволяет нам сбежать как нам угодно
наши собаки мы сами бежим за нами
одни в лающем эхо наших собственных волн ума
несмотря на невыразимую полноту окружающую нас невозможным
я пред тобой оголяюсь карман вывернут наизнанку

*

сталкиваясь с другими ты не тот что ты есть
по лестнице волн по строению каждого взгляда
непохожие немые галлюцинации что напоминают тебя
лавочки с хламом разнообразным что напоминают тебя
что кристаллизуешь ты вокруг ненастного призвания — где ты находишь
самого себя частицы
с каждым витком дороги ты меняешься становишься другим собой
в домах — сжатые челюсти — угрюмые обломки сердца закрыты
свет что стирает себя на безжизненных шторах
в пампасах мужской аромат героизма
раздирающая сердце мелодия предшествует тебе в сумасшедших домах
и без спутников ростовщичество наших грехов становится тесной вселенной
человек головокружительных сальто в пространстве
я видел животных с человеческими чувствами грубо растущими в них
разодетые лотосы в театральных залах свисают с нас
в соглашениях нашептывания импульсов механизмируют свою игру
среди крестьян беззаботных нег в постаревшей тени презрительных жестов
на почте где удовольствия и страны соприкасаются
у ювелиров мы примеряем миниатюрные ландшафты
в морских портах земля кончается протянутые руки
в алкоголе нашел я мое единственное забвение свободу
в мюзик-холлах с натужной рекламой порыва
и терпеливых жестов предложенных рисков избытков
в залах ожидания цикады мои сестры
в кабаках непроницаемых жизнью клетках прекрасных в рощах
но оставим дороги и волнорезы на кожаной обшивке карт
так много витальных призывов привязали нас к каменной кладке плоти
что букеты дымящихся рук построили в тюрьмах
головы в беспокойном метании с одной руки на другую ночью и днем
бесчисленное цветение ненависти на исчезнувших кораблях
у плонувших на все отшельников пшеница грубая
скрещивается с руками стеблями и зданиями
над ночным покоем мощное благоухание ночного покоя
и все множество других множество всех других

IV

просей цветов решетчатая ясность
заплывшим глазом клонится клубника к изнанке пухлой губ
недоверчивой раны неба касается перст указующий пестика
раны разграбленной ночными рейдами выдр

расширенной перед нами там где канатоходцы мнительные падают в сеть
подвешены на иве доспехи печали
с трепетом простыней окропленные долгими осенними днями

*

смеется белье в белом пламени у него алкогольный язык
и насекомое-коляска свои рессоры собирает и багаж
вниз катится она по лысине дороги где слово прошивает пробку
и дерево сосет смолу из мисок горячащихся сердец

*

пушечный выстрел вьет красные капли
в палатке
где живы сонные снаряды в электрических колониях
и собирает в свой лучистый фартук
по вечерам ошметки горизонта
бесформенный модельер видит в каждом дереве живое знакомое
на лысой дороге где словом прошиты высоты
лес на последнем дыхании достигает вершин
математической формулы
повисая грудью безоблачной над кукушками
что стали минутами
но сумрачная прохлада духа скоро утолит
по мирам наш голод
и сделает тусклыми частицы жизни что мы отбрасываем
шаг за шагом
в пустом вращении сбежавшие
с орбиты смерти

из мешка так прискорбно набитого звучным сором
наказаний несказанных
от потрясений и усталостей неисчислимых
без всякого результата
измученные как мы есть микроскопическими предсказаниями ума
бедные существа неспособные отвернуть свой пристальный взор от пятки
смерти
когда бесформенный модельер видит в каждом дереве живое алиби
осень рождает ветра заику на костылях
и кустистые плавники больше не плачут в укрытии
усни усни
люцерна на веке твоём закрывается
семя гор
смотрит вода на тебя
караваны воды
семя взгляда
хмурятся листья горные брови
под нежными пальцами вод склоняются колокола
туннельный веер распаивается на вечерней груди
все время каникул звучали мечты

*

пень бородатый кулак поднятый за сражение засух
затвор громовой аллей опечаленных
напевная монотонность киосков что как кофейные чашки в ряд
и сверхъестественная пряжа что связывает целебные тропы
крепимые к валам нестигаемых шей
трепетные круги вокруг фосфоресцирующей смерти
из гримас гнилых часток огибает кошмар
клыков воинственных
но ты беспечен к тому у чего нет веса знамения нет
вспышка субстанции
наудачу едва улыбаясь мускулы
ветер глаза
таковы снежные языки что лижут глубокие соли
кишащие пропасти сфер
усни усни
тополь собирается полетать
боярышник собирается оседлать трещину в облаке
накренилось крыло равновесия
там где пейзаж помещается на своей ослиной спине
горе распространяемое у горцев
цветы еще более мелкие чем пылинки
тебя понесут над алфавитом аккордеонов
на развернутых крыльях бабочек
усни застывшая прозрачность инея
в изобилии ночи
и чистая корзина озера
новые скрипки растут
на скрипичных деревьях
усни усни
дождь ускользнул гребец белизны

*

разбросаны связки ключей родники
под коврами известняка
мародерствуют черные сборища поговорок все еще выжидают в окрестностях сна
пение кристальных хребтов на органе
остов спинной груза жующего силы свои
на пределе дегтярный запах двигаются тяжелые племена мебели что как плоть
но в тот час когда лепестковая гордость начинает цвести становятся они зарослями
косуль чтоб умереть
и флейты гейзеры сознания
взъерошены на мельничных макушках
заплесневевших под зонтами из соломы
где вьет экватор свои гнезда
у очага где тишина сливается с хной звезд
и кожура счищается обманчивых цветов
плоды с их бронзовым загаром совлекают
заплаканные наволочки

старых дев
что рассказы пассатов прибили к мостовым
и в гроте вспыхивает музыка цыганская
стояние елей на страже шерсти теневой что вздыбливается
у ацетилена ламп
базар моллюсков втихомолку
звучит прозрачно в горне слюдяном
кортеж тех путешествий тронулся в дорогу
безвременник рук сложенных иссяк в себе самом
зародыш ласточки
спи в белизне подальше от волков

*

рассеянная мифология проростков диких знания
нас крутит жернов планетарной мельницы
и неразрывно длинное исчезновение птичьей песни
и неразрывен твоих величественных мук янтарь
так спаяны с истинами что как металл те
праздники которые мы суть
которыми хотели бы мы быть
в одной косе песков зыбучих сплетены
сердца скользят во всю длину сплетений
когда спускается ныряльщик на глубины слез
от нас шлейф катастрофы тянется
что льет и льет луна
спи в желобе подмышечном у вод
блуждай в единственном числе
прижми как можно крепче цветок что опоздал
к груди где свой шатер установила нелюдимость моряков
ночь заточила дрок в тюрьму
и человек лишил себя своих снастей
и приручают козодои звук свистящий
и коронованны железные обрезки уже до белизны костей иссякшие
и исчезают высоко за гневом фьордов

вот-вот падут в кипящем наложении
их железы молочные с клыками как из сланца
с заботой материнской о новорожденном втянутые
в гребенчатое солнце на восходе
угроза грубых похищений пилит нервы
перекрывает путь испуганный к колыбелям в трансе
все трещины заполнив чувством
и отпускает шумное небытие скрестив свои предплечья над бездной зачарованной
где мир выкуривает свое горе
в сердечных залежах извилистость ростков
хмелеют веки в аллегориях страниц
бросаю якорь хаотичных снов в заливе где знакома так крикливость заклинаний
и вспыхивают жалобы ночные через призму лжи
у экипажа спятившего моля о передышке сожаления бездомного

*

плененный разум сказками разлада
так жук содержит в себе беглый свой отказ
узник монастырский своего оккультного лекарства
обрядов исполинских бессмысленных страстей заложник
и логово где загрызает злое слово клятвы трепетную лань
где россыпь адских кратеров где мышей летучих сплетни тут и там
водители раздора сбрасывают плен мимики судов и судей
крошась под весом пламенеющих дров
печальные рабы фурора
и вдоль запойных алкогольных стен осколков гордости
месть как пример которой мера ловкий выкуп

*

страж эфемерных отдыха лачуг
бутыль на гребешке волны и ореол
чудовищных бессмертий
ты прячешь в тайне своих недр ключ
к великим совпадениям
не позволяешь зависти проникнуть
в подвижные зияния содружества плодов
но вечное смятение — общий свет для нас
к эпохе от эпохи привязывает нас он к грезам
что всходят полем колосящимся
мир вне мира этого перевернут в форме
безымянных приближений
и вне такого множества других и вне такого множества других

Перевод с французского И. Курбакова